

Эн Особенная

В объятиях
монстра

18+

Эн Особенная
В объятиях монстра

«Автор»

2026

Особенная Э.

В объятиях монстра / Э. Особенная — «Автор», 2026

Она проснулась в подвале. Без одежды. Без памяти. Без надежды. Он называет себя хозяином. Он говорит, что выбрал её. Он устанавливает правила: не кричать, не спрашивать, не сопротивляться. За непослушание — наказание. За покорность — странная, пугающая нежность, от которой тело немеет сильнее, чем от страха. Ника должна ненавидеть этого человека. Должна мечтать о побеге. Должна сломаться. Но что, если настоящая тюрьма — не бетонные стены? Что, если единственный, кто видит её настоящую — это он?

© Особенная Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава1. Пробуждение	5
Глава2. Правила	8
Глава3. Использовать	12
Глава4. Забота	16
Глава 5. День тишины	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эн Особенная В объятиях монстра

Глава 1. Пробуждение

Сознание вернулось ударом.

Ника не открыла глаза — они распахнулись сами, потому что тело закричало раньше, чем мозг понял, что случилось. Потолок. Бетон. Пятна сырости. Одна лампа под ржавым абажуром — тусклая, жёлтая, как больной зуб.

Она дёрнулась.

Руки не двинулись. Лодыжки тоже. Её привязали — мягкой тканью, но крепко, так, что можно было только извиваться, как червь на крючке.

Ника опустила взгляд. Рубашка. Мужская, хлопковая, расстёгнута почти до пупка. Под ней — ничего. Ничего вообще.

— Нет...

Голос сорвался, прозвучал чужим — хриплым, сломанным.

— Нет-нет-нет...

Она дёрнулась снова, сильнее, и ткань на запястьях впилась в кожу. Больно. Наконец-то больно. Это было хоть что-то реальное.

— Прекрати.

Голос пришёл из темноты. Низкий. Сухой. Без эмоций.

Ника замерла. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Из угла, где она даже не заметила кресла, поднялась фигура. Высокий. Худой, но жилистый. Босой. Движения плавные — слишком плавные для мужчины его комплекции. Хищник. Который не торопится.

Он шагнул в свет, и Ника увидела лицо. Резкие скулы. Тонкие губы. Глаза — светлые, почти прозрачные, как у слепых, но он видел. Он смотрел на неё так, будто разделял. Хотя её уже раздели до него.

— Кто... — горло пересохло, слова царапали его, — кто вы? Зачем...

— Закрой рот.

Он опустился на корточки рядом с ней. Она попыталась отползти, но куда там — руки привязаны над головой, ноги стянуты. Она была открыта перед ним полностью. Он смотрел. Изучал. Как вещь.

— Я буду задавать вопросы, — сказал он. — Ты — отвечать. Если я не спрашиваю — ты молчишь.

Его пальцы коснулись её шеи. Она вздрогнула, зажмурилась, ожидая, что сдавит. Но он просто нащупал пульс. Посчитал. Убрал руку.

— Частота высокая. Испугалась.

Он сказал это как констатацию факта. Без жалости. Без злорадства. Ей стало ещё страшнее.

— Где я? — выдохнула она. — Пожалуйста...

— Я сказал — молчать.

Он ударил. Не сильно — пощёчина, короткая, сухая, от которой голова мотнулась в сторону. Щека загорелась огнём. В ушах зазвенело.

— Будешь нарушать правила — будешь наказана, — сказал он тем же ровным тоном. — Правило первое. Не кричать. Правило второе. Не спрашивать, пока я не разрешу. Правило третье. Обращаться ко мне «хозяин».

Ника смотрела на него, и в глазах стояли слёзы — не от боли, от унижения. Хозяин. Он сказал «хозяин».

— Ты поняла?

Она молчала. Он ждал. Тишина растягивалась, становилась плотной, как бетон над головой.

— Я спросил, — его голос стал тише. — Ты поняла?

— Да, — выдавила она. Губы тряслись.

— Да — что?

Она закрыла глаза. Слезы потекли по вискам в волосы.

— Да, хозяин.

Он кивнул. Отошёл к стене, взял металлический поднос, который Ника не заметила раньше. Вернулся со стаканом воды.

— Пей.

Он приподнял её голову, не спрашивая, не церемонясь. Стакан прижал к губам. Она пила, потому что горло горело сухостью, потому что не пить было страшнее. Вода лилась по подбородку, по шее, затекала под рубашку. Он не вытирал. Ему было всё равно.

Когда она закашлялась, он убрал стакан. Поставил на пол. Посмотрел на неё сверху вниз.

— Ты здесь, потому что я тебя выбрал, — сказал он. — Это не повод для гордости. Это повод слушаться и не создавать проблем.

Ника смотрела на него. Руки дрожали. Вся она дрожала — от холода, от страха, от того, что этот человек говорил о ней как о вещи, которую можно выбрать или выбросить.

— Что вы... что вы со мной сделаете? — прошептала она.

Он наклонился. Близко. Так близко, что она чувствовала его дыхание — ровное, спокойное, чужое.

— Всё, что захочу.

Он выпрямился, повернулся и пошёл к двери. Ника слышала, как щёлкают замки — один, второй, третий. Как его шаги удаляются.

Потом — тишина.

Она лежала в темноте — лампа погасла, когда он вышел, — привязанная к матрасу, в мокрой от воды и слёз рубашке, с горящей щекой и единственной мыслью в голове:

«Он назвал меня вещью. И я согласилась».

Слёзы пришли снова. Она не сдерживала их — не было сил. Она плакала, пока не заныли мышцы, пока не заболело горло, пока в какой-то момент не поняла, что плачет уже без звука, просто сотрясаясь в беззвучных рыданиях.

Она не знала, сколько прошло времени. Час? Два? Ночь? Время в подвале не имело значения. Только тишина и её собственное дыхание.

А потом дверь снова открылась.

Она не слышала шагов — он двигался бесшумно, как и в первый раз. Но она почувствовала его присутствие — тяжелое, плотное, заполняющее всё пространство.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказал он из темноты.

Ника замерла. Тело окаменело, даже сердце, казалось, остановилось.

Она ждала. Удара. Прикосновения. Приказа.

— Ты плакала, — сказал он. — Это нормально. Первая ночь всегда самая тяжёлая.

В его голосе не было сочувствия. Просто констатация. Как вчерашний пульс. Как температура в комнате.

— Привыкай, — сказал он. — Это теперь твой дом.

Дверь закрылась. Замки щёлкнули.

Ника лежала в темноте и понимала одну вещь, которая была страшнее всего, что случилось с ней сегодня:

Он вернулся не за тем, чтобы проверить, не сбежала ли она. Он вернулся, потому что хотел услышать, как она плачет.

Глава 2. Правила

Сон не приходил.

Ника лежала в темноте, вслушиваясь в тишину, и тишина давила на уши, как вода на глубине. Она пыталась сосчитать удары сердца, но сердце сбивалось, ускорялось, замирало, и каждый раз, когда оно замирало, ей казалось, что сейчас откроется дверь.

Дверь не открывалась.

Сколько прошло времени? Час? Три? Она потеряла счёт, проваливаясь в забытие и выныривая обратно, каждый раз с одним и тем же ужасом: она всё ещё здесь. Всё ещё привязана. Всё ещё в чужой рубашке, которая пахнет стиральным порошком и чем-то ещё — мужским, резким, чужим.

Когда лампа над головой вспыхнула, Ника зажмурилась. Свет резанул по глазам, по больной голове, по оголённым нервам.

— Подъём.

Она не слышала, как он вошёл. Не слышала шагов, не слышала замков. Просто его голос — низкий, сухой — прозвучал над ухом, и Ника дёрнулась, ударившись локтем о бетон.

Он стоял над ней. В руках — поднос. На подносе — миска с чем-то серым, пахнущим пресной овсянкой, и стакан воды.

— Я развяжу тебя, — сказал он. — Ты поешь. Если попытаешься ударить меня или сбежать — наказание будет жёстким. Ты поняла?

Ника смотрела на его руки. Длинные пальцы, чистые ногти, старый шрам между большим и указательным. Руки, которые связали её. Руки, которые ударили.

— Я поняла, — сказала она. Голос прозвучал хрипло, как после долгого крика.

— Поняла — что?

Она закрыла глаза. Сглотнула.

— Поняла, хозяин.

Он кивнул. Опустился на корточки, и Ника почувствовала, как его пальцы касаются её запястья — холодные, сухие, уверенные. Узел ослаб. Ткань сползла. Кровь хлынула в онемевшие пальцы тысячей иголок.

Он развязал вторую руку. Потом лодыжки. Ника не двигалась, хотя её мозг кричал: беги, ударь, царапайся. Но она не двигалась, потому что видела его глаза — светлые, прозрачные, без единой эмоции.

Она искала в них хоть что-то — интерес, сомнение, азарт. Ничего. И пустота в его глазах гасила её волю быстрее, чем любой приказ.

— Садись, — сказал он.

Она села. Тело слушалось плохо — мышцы затекли, руки дрожали, голова кружилась. Она оперлась спиной о стену, подтянула колени к груди, прикрылась — инстинктивно, хотя рубашка почти ничего не скрывала.

Он поставил поднос перед ней. Металлический, холодный. Миска с овсянкой, ложка, стакан воды.

— Ешь.

Ника взяла ложку. Рука тряслась так сильно, что каша почти не попадала в рот. Она ела медленно, чувствуя его взгляд на себе. Он стоял в трёх шагах, скрестив руки на груди, и смотрел. Просто смотрел, как она жуёт, как дрожат её пальцы, как каша падает на рубашку.

— Быстрее, — сказал он.

Она попыталась. Проглотила комок, который не прожевала, подавилась, закашлялась. Он не двинулся. Не протянул воды. Ждал, пока она справится сама.

— Сегодня я объясню правила, — сказал он, когда она доела. — Внимательно слушай. За каждое нарушение — наказание. Я не буду предупреждать второй раз.

Он говорил ровно, без интонаций, как зачитывает инструкцию. Ника слушала, и каждое слово врезалось в память, потому что она знала: это не пустые угрозы.

— Правило первое. Ты не кричишь. В этом подвале звукоизоляция, крики бесполезны. Но они раздражают меня. За крик — наказание.

— Правило второе. Ты не спрашиваешь «зачем» и «почему». Ответы ты получишь, когда я решу.

— Правило третье. Ты не пытаешься сбежать. Дверь закрыта на три замка. За дверью — коридор и ещё одна дверь. Даже если ты каким-то чудом выберешься наружу — вокруг лес. Ближайший посёлок в пятнадцати километрах. Ты не успеешь пройти и трёх.

Он замолчал. Посмотрел на неё.

— Ты запомнила?

— Да, — она сглотнула. — Да, хозяин.

— Правило четвёртое. Ты делаешь всё, что я говорю. Без вопросов. Без колебаний. Без задержек. Если я сказал «иди» — ты идёшь. Если я сказал «раздевайся» — ты раздеваешься. Если я сказал «молчи» — ты молчишь, даже если я делаю тебе больно.

Она смотрела на него. В глазах зашипало, но она не заплакала. Не сейчас.

— Правило пятое, — он сделал паузу, — ты обращаешься ко мне только «хозяин». Никаких «ты», никаких «вы», никаких имён. Ты поняла?

— Да, хозяин.

— Хорошо.

Он подошёл ближе. Опустился на корточки, оказавшись с ней на одном уровне. Ника вжалась спиной в стену, но отступать было некуда. Он протянул руку и взял её за подбородок. Грубо сжав, заставил смотреть в глаза.

— Теперь самое главное, — сказал он тихо. — Твоё тело больше не принадлежит тебе. Оно моё. Я буду делать с ним что захочу. Когда захочу. Как захочу. Ты не имеешь права отказывать. Ты не имеешь права просить остановиться. Ты не имеешь права закрывать глаза. Ты поняла?

Она смотрела в его прозрачные глаза и не могла вымолвить ни слова. Подбородок горел от его пальцев. Дыхание сбилось.

— Я спросил, — его пальцы сжались сильнее. — Ты поняла?

— Да, — выдавила она. — Да, хозяин.

Он отпустил её. Выпрямился. Посмотрел сверху вниз, и в его взгляде не было ничего — ни злости, ни удовольствия, ни жалости. Пустота.

— Раздевайся, — сказал он.

Ника не пошевелилась. Секунду. Может, две. Мозг отказывался обрабатывать команду, тело не слушалось, в голове билась одна мысль: нет, нет, нет, только не это.

Он ждал. Пять секунд. Десять.

— Я сказал — раздевайся.

Её пальцы потянулись к пуговицам. Они не слушались — дрожали, скользили, не могли схватить. Она расстегнула первую. Вторую. Рубашка распахнулась, открывая грудь, живот, бедра. Она сидела перед ним на бетонном полу, в одной распахнутой рубашке, и не могла поднять глаза.

— Сними, — сказал он.

Она стянула рубашку с плеч. Ткань упала на пол. Она осталась полностью обнажённой, прижав колени к груди, обхватив себя руками.

— Убери руки.

Она не убрала.

Он шагнул к ней, наклонился, схватил её за запястья и развёл в стороны. Сильно. Так, что она опрокинулась на спину, и теперь лежала перед ним, раскинутая, открытая, беззащитная.

Он смотрел. Медленно, изучающе, как смотрят на вещь, которую собираются купить. Взгляд скользил по лицу, шее, груди, животу, ниже. Она зажмурилась, не выдерживая.

— Открой глаза, — сказал он.

Она не открыла.

— Последний раз говорю. Открой глаза.

Она открыла. В них стояли слёзы, но она смотрела. Смотрела, как он рассматривает её, как его взгляд задерживается на шраме на рёбрах — старом, белом следе от аварии, в которой погибли родители.

Он коснулся шрама. Пальцем, медленно, провёл по рубцу. Ника вздрогнула, но не отстранилась. Не могла.

— Это что? — спросил он.

— Авария, — прошептала она. — Давно.

— Больно?

— Нет. Уже нет.

Он убрал руку. Выпрямился. Смотрел на неё сверху вниз — голую, дрожащую, распластанную на бетоне.

— Одевайся — сказал он.

Ника не поверила. Думала ослышалась. Он уже повернулся к двери.

— Сегодня я просто смотрел — бросил через плечо — Завтра начну использовать.

Он вышел. Замки щёлкнули.

Ника лежала на бетонном полу, голая, с разведёнными руками, и смотрела в лампу под ржавым абажуром. Слезы текли по вискам в волосы. Она не вытирала их. Не могла пошевелиться.

«Завтра начну использовать».

Она не знала, что это значит. И понимала, что спрашивать нельзя.

Правило второе.

Глава 3. Использовать

Она не спала всю ночь.

Ника сидела на матрасе, прижавшись спиной к стене, и смотрела на дверь. Железная, серая, с тремя замками — она видела их, когда он выходил. Три стальных засова. Даже если бы ей удалось освободиться от уз, даже если бы она нашла оружие — эти замки не поддались бы.

Она ждала.

Слова бились в голове, как мёртвая птица о стекло: «Завтра начну использовать». Что это значит? Как это будет? Она перебирала в памяти всё, что знала о насилии — из новостей, из фильмов, из страшных историй, которые рассказывали подружки в школе. Но реальность отказывалась соединиться с этими картинками. Её тело, её жизнь, её «завтра» — как это может быть с ней?

Когда лампа над головой вспыхнула, Ника уже не вздрогнула. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на дверь.

Щелчок замков, и он уже здесь. Высокий, чёрный, с лицом, которое ничего не выражало.

На нём были те же чёрные штаны, босые ноги, футболка с длинным рукавом. В руках — ничего. Ни подноса, ни еды, ни воды. Только он сам.

— Ты не спала, — сказал он. Не вопрос. Констатация.

Ника молчала. Горло сжалось так, что она не могла выдавить ни звука.

Он закрыл дверь. Замки щёлкнули — один, второй, третий. Звук показался ей похожим на заколачиваемый гроб.

— Ты знаешь, зачем я пришёл, — сказал он.

Она знала. Но не могла поверить. Не могла принять. Она смотрела на него снизу вверх и чувствовала, как всё тело покрывается холодным потом, как сердце бьётся где-то в горле, как пальцы ног сводит судорогой.

— Пожалуйста, — выдохнула она. — Не надо. Я... я сделаю что угодно. Только не...

— Ты уже сделаешь что угодно, — перебил он. — Это не торг. Это приказ.

Он подошёл к ней. Она вжалась в стену, стена была бетонной и холодной, и некуда было бежать. Он опустился на корточки перед ней, и теперь их лица были на одном уровне.

— Ты помнишь правила? — спросил он.

Она кивнула.

— Назови их.

— Не кричать, — голос дрожал, рассыпался. — Не спрашивать «зачем» и «почему». Не пытаться сбежать. Делать всё, что вы скажете. Обращаться... обращаться «хозяин».

— Ты не назвала одно.

Она смотрела в его глаза. Прозрачные. Холодные.

— Моё тело... — начала она и запнулась.

— Продолжай.

— Моё тело больше не принадлежит мне.

Он кивнул.

— Тогда ты знаешь, что сейчас будет.

Он взял её за волосы. Схватил у корней, рванул вверх, заставляя встать на колени. Ника вскрикнула — коротко, сдавленно, и тут же закусила губу, чтобы не закричать снова. Правило первое.

— На колени, — сказал он. — Смотри на меня.

Она стояла на коленях перед ним, дрожа, глядя в его лицо. Он всё ещё держал её за волосы, запрокинув голову так, что шея была открыта.

— Ты красивая, — сказал он. В голосе не было комплимента. Была констатация, как о вещи, которая сделана качественно. — Это не имеет значения. Но я отмечу.

Он отпустил волосы, и Ника по инерции качнулась вперёд, едва не упав. Он ждал, пока она выпрямится.

— Сними рубашку.

Она медлила. Пальцы не слушались. Он не торопил — стоял, смотрел, ждал. Его терпение было страшнее крика.

Она сняла. Рубашка упала на бетон. Она осталась голой — перед ним, под тусклой лампой, в холодном подвале, который стал её миром.

— Ложись на спину. Руки над головой.

Ника легла и вытянула руки над головой, как он сказал. Ладони коснулись холодного пола.

Он достал из кармана штанов тканевые ленты — такие же, как в первый раз. Медленно, не спеша, зафиксировал запястья. Потом лодыжки — развёл их в стороны, привязал к чему-то, что Ника не видела. Она лежала распятая, полностью открытая, не в силах пошевелиться.

Он встал над ней. Смотрел.

— Ты можешь закрыть глаза, — сказал он. — Но кричать нельзя. Запомнила?

Она закрыла глаза.

Первое прикосновение было к шее. Пальцы — холодные, сухие — скользнули по горлу, нащупали пульс. Потом ниже — ключицы, грудь. Не лаская. Ощупывая. Как врач. Как хозяин, проверяющий товар.

Она лежала, не дыша, и каждая секунда длилась вечность.

Его руки двигались медленно, изучающе. Он не торопился. Он делал это с той же методичностью, с какой вчера развязывал узлы — спокойно, уверенно, без спешки. И от этого становилось жутко.

Он исследовал её тело. И тело отвечало — дрожало, покрывалось мурашками, дышало. Она не могла это контролировать.

— Открой глаза, — сказал он.

Она открыла. Он смотрел на неё — не на тело, в глаза.

— Смотри на меня, — сказал он. — Всё время. Не отворачивайся.

Она смотрела. В его прозрачные глаза, в которых не было ничего — ни злости, ни удовольствия, ни жалости. Только холод. Только контроль.

Он раздвинул ей ноги шире. Она почувствовала, как ленты на лодыжках натянулись, впились в кожу. Холодный воздух коснулся того, что должно было оставаться закрытым. Она зажмурилась — и тут же получила пощёчину. Короткую, резкую.

— Я сказал — смотреть.

Она открыла глаза. Смотрела, как он расстёгивает штаны. Смотрела, как он опускается на колени между её ног. Смотрела, как его лицо приближается к её лицу, а его рука ложится на её бедро, сжимает, раздвигает.

— Ты моя, — сказал он. — Повтори.

Она не могла говорить. Губы слиплись, язык прилип к нёбу. Он ждал. Его пальцы впились в бедро — больно, до синяков.

— Я... — голос сорвался. — Я ваша.

— Моя... — поправил он.

— Я ваша, — прошептала она. — Хозяин.

Он вошёл в неё резко, без подготовки, без смазки. Ника закричала — не смогла сдержаться, крик вырвался из горла, дикий, нечеловеческий. И тут же его ладонь накрыла её рот, прижала голову к бетону.

— Тише, — сказал он. — Я же говорил — не кричать.

Он двигался внутри неё медленно, размеренно, с той же методичностью, с какой осматривал её тело. Боль была острой, режущей, она разрывала её изнутри, и Ника смотрела в его глаза над собой, в эти прозрачные льдинки, и не могла отвести взгляд.

Он не торопился. Он не хотел быстрого удовлетворения. Он хотел, чтобы она чувствовала. Каждое движение. Каждую секунду. Каждый сантиметр его тела внутри её тела.

Ника плакала. Слезы текли по вискам. Её тело содрогалось от каждого толчка, и она не могла это остановить. Не могла ничего — только лежать и смотреть в его глаза.

— Считай, — сказал он. — До ста. Если собьёшься — начнём сначала.

Она не понимала. Боль застилала глаза, мысли путались.

— Раз, — сказал он. — Продолжай.

— Два, — прошептала она. — Три...

Она считала, задыхаясь, сбиваясь, захлёбываясь слезами. Он двигался внутри неё, и каждый толчок отнимал что-то, что она не могла назвать. Достоинство? Надежду? Себя?

— ...сорок семь, сорок восемь...

Она потеряла счёт на шестидесяти трёх. Заплакала, забилась, попыталась вывернуться, но ленты держали крепко. Он остановился. Посмотрел на неё.

— Начнём сначала.

Она закричала — уже не от боли, от бессилия. Его ладонь снова накрыла её рот.

— Тише, — сказал он. — Не заставляй меня надевать кляп. Раз.

Она считала. Снова. С нуля. С первого удара, с первого толчка, с первого слова, которое превращало её из человека в счётную машину, в тело, в вещь.

Она досчитала до ста.

Он остановился. Вышел из неё. Встал.

Ника лежала распятая, голая, мокрая от пота и слёз, с разведёнными ногами, с болью, которая пульсировала где-то глубоко внутри. Она смотрела в потолок и не могла пошевелиться.

Он развязал узлы на лодыжках. Потом на запястьях. Она не двигалась.

— Ты справилась, — сказал он. Голос ровный, спокойный. — В первый раз это самое трудное.

Он накрыл её рубашкой. Не помог одеться — просто набросил сверху, как накрывают мебель в комнате, которую не собираются использовать.

— Отдыхай, — сказал он. — Позже я принесу тебе воду и еду. Если будешь хорошо себя вести — дам таблетку от боли.

Он пошёл к двери. Ника смотрела в потолок и слышала, как щёлкают замки. Один. Второй. Третий.

Потом тишина.

Она лежала на старом матрасе, под чужой рубашкой, с болью, которая пульсировала где-то глубоко внутри, и смотрела на лампу под ржавым абажуром.

«Ты справилась», — сказал он.

Она не знала, справилась ли. Она не знала, выживет ли. Она не знала, сколько ещё таких «завтра» у неё впереди.

Глава4. Забота

Она не помнила, как уснула.

Последнее, что отпечаталось в памяти — лампа под потолком, тусклый жёлтый свет, который, казалось, никогда не гаснет. И боль. Боль, которая пульсировала где-то глубоко внутри, как второй пульс, как что-то чужое, поселившееся в её теле и пустившее корни.

Когда сознание вернулось, лампа не горела. Подвал был погружён в темноту — плотную, тяжёлую, как одеяло из мокрой ваты. Ника лежала на боку, поджав ноги к груди, рубашка сбилась, открывая спину. Она не помнила, как свернулась калачиком. Не помнила, как натянула рубашку. Тело жило своей жизнью, пока мозг прятался в спасительном забытии.

Боль стала тупее. Не ушла — просто превратилась из острого ножа в тупую, ноющую тяжесть, которая напоминала о себе каждым движением, каждым вдохом.

Она не знала, сколько времени прошло. Час? Ночь? День? В подвале время текло иначе — густо, медленно, как смола.

Дверь открылась неожиданно.

Ника вздрогнула, вжалась в стену, но сил даже сесть не было. Она смотрела, как в проёме появляется фигура — высокая, чёрная, бесшумная. Свет из коридора упал на пол, вырезав прямоугольник, и в этом прямоугольнике на секунду показались его босые ступни.

Лампа над головой вспыхнула. Ника зажмурилась, отвернулась к стене.

— Я принёс еду, — сказал он.

Голос ровный, спокойный. Без намёка на то, что произошло несколько часов назад. Как будто ничего не случилось.

Она не ответила. Не могла.

Он поставил поднос на пол. Металлический лязг прозвучал слишком громко в тишине подвала.

— Садись.

Она не пошевелилась.

Тишина затянулась. Ника чувствовала его взгляд на своей спине — тяжёлый, давящий. Ждала удара. Ждала, что он схватит её за волосы, перевернёт, заставит.

Вместо этого он опустился на корточки рядом с ней.

— Ты должна поесть, — сказал он. — И выпить таблетку. Если не поешь сама, я накормлю принудительно. Выбирай.

Она медленно, с трудом перевернулась на спину. Каждое движение отдавалось болью в пояснице, внизу живота. Она смотрела на него снизу вверх, и в её глазах не было слёз — они закончились.

Он протянул руку. В ладони лежала маленькая белая таблетка и стакан воды.

— Обезболивающее, — сказал он. — Сильное. Боль уйдёт через двадцать минут.

Ника смотрела на таблетку. В голове родилась мысль: отрава? Но тут же умерла. Ему не нужно её травить. Он и так делает с ней всё, что хочет.

Она взяла таблетку дрожащими пальцами. Положила в рот. Он поднёс стакан к её губам — и она пила, глотая воду вместе с гордостью, которая ещё теплилась где-то глубоко.

— Хорошо, — сказал он.

Он помог ей сесть — подхватил под спину, приподнял, прислонил к стене. Движения были грубыми, без нежности, но в них не было и жестокости.

Поднос стоял рядом. Овсянка, стакан воды и маленький кусочек хлеба. Она смотрела на еду, и желудок скрутило тошнотой.

— Ешь, — сказал он. — Всё.

Он сел в кресло в углу — то самое, которое она не заметила в первый день. Скрестил руки на груди. Смотрел.

Ника взяла ложку. Рука тряслась, каша падала обратно в миску. Она ела медленно, через силу, проглатывая комки, которые не хотело принимать горло.

— Почему? — вырвалось у неё. Она не хотела спрашивать. Не хотела нарушать правило. Но вопрос прозвучал сам. — Почему вы... зачем вы даёте мне таблетку?

Он не ответил сразу. Смотрел на неё несколько секунд, и Ника уже пожалела, что спросила.

— Твоя слабость мне не нужна, — сказал он. — Если ты будешь обессилена, ты не сможешь выполнять мои приказы. Если ты будешь постоянно чувствовать боль, твоя психика сломается слишком быстро. Мне не нужна кукла. Мне нужна ты.

Она не поняла последней фразы. «Мне нужна ты» — что это значит? Зачем ему она? Не её тело, не её послушание, а именно она?

— Зачем? — прошептала она.

Он поднялся с кресла. Подошёл к ней. Опустился на корточки, как делал каждый раз, и она снова почувствовала запах — йод, чистое мужское тело, что-то металлическое.

— Ты не должна спрашивать «зачем», — сказал он.

Пауза. Он смотрел на неё, и в его глазах не было ни жестокости, ни сочувствия. Только спокойная, ледяная уверенность.

— Потому что я так решил, этого достаточно. — сказал он. — Ешь.

Она доела. Медленно, через силу, но доела всё. Он ждал, не торопил. Когда она отставила пустую миску, он протянул ей стакан с водой.

— Пей.

Она пила. Вода была холодной, чистой, без вкуса. Он забрал стакан, когда она допила.

— Сейчас боль должна начать уходить.

Он убирал поднос, и Ника смотрела на его руки. Длинные пальцы, старый шрам. Руки, которые еще недавно трогали её. Руки, которые сейчас аккуратно ставили стакан на поднос.

— Вы будете... — она запнулась. — Вы будете делать это снова? Сегодня?

Он замер. Посмотрел на неё, поставил поднос на пол. Подошёл к ней. Она не отшатнулась — не было сил.

— Я буду делать это каждый день, — сказал он. — Иногда по одному разу. Иногда по несколько. Иногда я буду делать тебе больно другими способами. Иногда я буду заставлять тебя делать больно себе. Всё зависит от твоего поведения.

Он наклонился. Его лицо оказалось в сантиметре от её лица. Она чувствовала его дыхание — ровное, спокойное, чужое.

— Но сегодня я не буду, — сказал он. — Сегодня ты заслужила отдых.

Он выпрямился. Взял поднос. Пошёл к двери. Замки щёлкнули, пропуская его.

— Используй этот день, чтобы восстановиться, — сказал он.

Дверь закрылась. Замки защёлкнулись — один, второй, третий.

Ника сидела, прислонившись спиной к стене, и смотрела на дверь.

Боль уходила. Таблетка работала — тупая пульсация внизу живота становилась всё слабее, тише. Но на смену физической боли приходила другая — та, у которой не было названия.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, сколько это продлится. Страшная мысль пролетела в голове: это только начало.

Глава 5. День тишины

Она не знала, сколько просидела так, прислонившись к стене. Минуты? Часы? В подвале время текло иначе — густо, медленно, без ориентиров. Только лампа под потолком горела ровным жёлтым светом, не мигая, не меняя оттенка.

Боль ушла почти полностью. Таблетка сделала своё дело — осталась только глухая, далёкая пульсация, которая напоминала о себе, когда она меняла позу. Ника осторожно выпрямила ноги, поморщилась... терпимо.

Она была одна.

Эта мысль пришла не сразу, а когда пришла — заставила дышать глубже. Он сказал, что сегодня не тронет. Сказал, что она заслужила отдых. Слово «заслужила» резануло, как ножом, но она отодвинула это чувство подальше, в ту часть сознания, которую пока не готова была трогать.

Она поднялась.

Тело слушалось плохо — ноги дрожали, в пояснице ныло. Она оперлась рукой о стену и постояла так несколько секунд, привыкая к вертикальному положению. Стена была холодной, шершавой. Бетон. Обычный серый бетон, с мелкими трещинами и пятнами сырости.

Ника огляделась.

Подвал был больше, чем ей казалось в первые дни. Комната, где она лежала, была примерно четыре на четыре метра. Бетонный пол, бетонные стены, бетонный потолок. В углу — то самое старое кресло, с высокой спинкой, единственный предмет мебели, кроме её матраса. Матрас лежал в центре, тонкий, поролоновый, накрытый простынёй.

Больше ничего.

Ника сделала шаг. Второй. Медленно, держась за стену, обошла комнату по периметру. Пальцы скользили по бетону, нащупывали неровности, трещины, какие-то вмятины.

Она искала. Не знала, что — но искала. Дверь? Она знала, где дверь. Железная, серая, с тремя засовами с той стороны. Она не подойдёт к двери. Правило третье — не пытаться сбежать. Пока она не готова его нарушить.

Она искала что-то другое. Любую деталь, которая могла бы стать ответом на вопрос «кто он».

На третьей стене, почти у самого пола, её пальцы нащупали что-то, чего не было на остальных. Царапины. Нет — не царапины. Буквы. Кто-то выцарапал на бетоне что-то острым — гвоздём, куском металла.

Ника опустилась на корточки. Сердце забилось чаще.

Буквы были кривыми, неровными, некоторые стёрлись от времени или сырости. Но она смогла разобрать.

«ПОМОГИТЕ»

Одно слово. Выцарапанное чьей-то рукой. Чьей-то отчаянной, дрожащей рукой.

Ника смотрела на него, и внутри неё что-то оборвалось. Она не одна. Вернее, она не первая. До неё здесь был кто-то ещё. Кто-то, кто успел выцарапать это слово, прежде чем...

Прежде чем что?

Она не знала, что случилось с тем, кто написал это. Увезли? Убили? Выпустили? Она не знала. Но слово осталось. И теперь она смотрела на него, и холод поднимался откуда-то из груди, растекался по рукам, по ногам, замораживал мысли.

Ника провела пальцами по буквам. Бетон был холодным, шершавым. «Помогите». Она закрыла глаза.

— Я не могу, — прошептала она. — Я даже себе не могу помочь.

Она отняла руку. Встала. Отошла от стены.

Больше она не искала. Вернулась к матрасу, села, поджала ноги. Смотрела на серую дверь и думала о том, кто выцарапал это слово. Женщина? Сколько ей было? Сколько она здесь пробыла? Она кричала? Её наказывали? Она сломалась?

И самое страшное — где она сейчас?

Ника не знала, сколько прошло времени, когда она снова поднялась. Час. Два. Часы потеряли смысл. Но ей нужно было знать больше. Если она не первая — значит, у него есть система. Значит, он делает это не в первый раз. Значит, есть шанс понять, чего ждать.

Она снова пошла по периметру, теперь медленнее, внимательнее, ощупывая каждую трещину, каждый неровный сантиметр бетона.

На четвёртой стене, за креслом, она нашла ещё одну надпись. Длиннее. Тоже выцарапанная, но более ровная, словно тот, кто писал, не спешил.

«ОН ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ»

Ника отшатнулась. Спиной ударилась о кресло, едва не упала. Кресло скрипнуло по бетону.

«Он всегда возвращается».

Это было не предупреждение. Это был приговор. Кто-то, кто был здесь до неё, хотел сказать тем, кто придёт следом: не надейся. Он не отпустит. Он будет возвращаться. Каждый день. Каждый раз. Пока ты не перестанешь ждать другого.

Ника стояла, вцепившись в спинку кресла, и смотрела на надпись. Глаза защипало, но слёз не было. Она выплакала их все.

— Почему? — прошептала она в пустоту. — Зачем ты это делаешь?

Ответа не было. Только лампа под потолком горела ровным жёлтым светом, и тени от кресла лежали на бетоне, как чьи-то распластанные тела.

Она вернулась на матрас. Села, обхватив колени. Смотрела на дверь.

Слово «помогите» было у неё за спиной. Фраза «он всегда возвращается» — слева, за креслом. Она сидела в центре комнаты, и эти надписи окружали её, как молчаливые свидетели, как те, кто был здесь до неё. Те, кто не дождался помощи. Те, к кому он возвращался снова и снова.

Ника закрыла глаза.

Она не знала, сколько ещё ей здесь оставаться. Не знала, что он сделает с ней завтра. Не знала, станет ли она такой же, как те, кто царапал стены.

Но одно она знала теперь точно.

Она не будет писать на стенах. Не будет просить помощи, никто не услышит. Не будет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.